

КАТЕРИНА

ХАНЖИНА

МАРАФОН

НЕЖЕЛАНИЙ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Редактор серии *К. Буянова*

Оформление серии *А. Гартова*

Ханжина, Катерина.

Х19 Марафон нежеланий : роман / Катерина Ханжина. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-203876-1

На отдаленном острове во Вьетнаме есть загадочная арт-резиденция «Джунгли». Ее лидер, художник-коуч с псевдонимом Адам, известен как автор «кровавых» картин и жестоких перформансов. Вместе с командой он пропагандирует идею самовыражения через боль: душевную и физическую.

Роза не понаслышке знает, что это такое: она учится в университете по специальности, которая ей не нравится, много рефлексит и мечтает о трагически красивой судьбе, благодаря которой она сможет стать настоящей писательницей.

В один прекрасный день Роза отправляется в арт-резиденцию Адама, чтобы воплотить свое стремление в жизнь. Но реальность, с которой ей предстоит столкнуться, окажется совсем не похожей на ожидания и мечты.

Софья Астахова, автор автофикшн-романа «Вероятно, дьявол»:

«Из книги можно взять очень много, если захотеть. Если смотреть не только на увлекательный сюжет, а на мотивы поступков героев. А можно следить только за развитием истории и получить удовольствие на несколько вечеров, как от просмотра любимого сериала или реалити-шоу».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© К. Ханжина, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203876-1

Пролог

С детства нам внушали две крайности. Классики писали, что любовь и красота губительны. А в диснеевских мультиках пошло и банально, в китчевых песенках кричали, что всех бедных, добрых, кем-то униженных в конце ждет слащавый хеппи-энд с той самой любовью и красотой.

От этой сладости меня всегда подташнивало, а золотая середина казалась чем-то пресным и серым. Поэтому я с ранних лет верила, что мой удел — это трагично любить, страдать, переживать самые тернистые сценарии. Не в ожидании «долго и счастливо», а в наслаждении красотой этой боли. Я верила, что так моя жизнь становится похожей на те самые истории, ставшие классическим канонem в искусстве. Ведь все самое красивое в мире было о страданиях: песни, книги, музыка и картины о безответной любви, трагедиях и конечности жизни.

Даже умирая в шикарном номере ханойского отеля, я думала: «Это так красиво: я буду выглядеть почти естественно, только щеки немного впали от продолжительной рвоты, и синяки под глазами, конечно же, уже не пройдут. Зато я лежу на белоснежном хлопковом белье, до сих пор пахнущем свежестью, волосы красиво выются от душащей влажности, где-то рядом валяется опрокинутый бокал, и я чувствую, что к пятке прилипли лепестки какого-то тропического цветка. А самое красивое — это то, что моя смерть будет загадкой».

КАТЕРИНА ХАНЖИНА

Я думала, в какую позу мне лечь, чтобы выглядеть наиболее привлекательно. Потом горячечный бред унес меня в далекое будущее, и я наблюдала, как про меня, про «Джунгли», снимают фильм.

«Если жизнь прожита так, что ее никто не захочет экранизировать, то это была не жизнь, а просто существование» — так говорил Адам.

Многие его фразы, целые предложения и даже абзацы навсегда впечатаны в мою память. Как будто бы он накалял оттиски со своими словами, а потом прижигал ими мое сознание. Во что-то из его тезисов я уже не верю, но все равно вспоминаю по случаю. Иногда отвечаю его же фразами и, только после произнесения вслух, понимаю, что это не мои мысли.

«Такие люди, как ты, — самые красивые. Через твой надлом можно рассмотреть прекрасную душу» — эту фразу я вспоминала чаще всего.

И верила в нее. Мысленно говорила ее всем, кто не видел во мне ничего особенного. Он точно видел. Он — один из немногих, кто прикасался к моей душе. Держал ее в своих жестоких пальцах, трепыхающуюся и пульсирующую болью. Он тоже считал, что ощущение собственной боли и процесс превращения ее в искусство — самая прекрасная в мире вещь.

Глава 1
Ричард Весталл.
«Портрет Джорджа Байрона»

Мама рассказывала, что сразу после рождения меня у нее отобрали. Я родилась на месяц раньше и была очень слабой. Несколько дней я провела в специальном боксе или чем-то подобном, герметичном, совсем одна. Я думаю, что именно тогда во мне зародилось чувство безграничного одиночества. Желание постоянно быть с кем-то, при этом осознавая, что никто не сможет изменить это чувство. Что пустота внутри, как и холодные пальцы снаружи — вечные спутники с того дня, когда я появилась на свет.

С того момента, как я узнала о тех, самых первых, днях одиночества, решила, что именно так должна начаться моя биография. Я была рада, что найдена та точка, в которой я стала неправильной. До маминого рассказа главным вопросом моей жизни был: «Меня создали такой поломанной или я сломалась где-то в процессе?» А раз меня сломали, значит, я родилась нормальной, значит, я могу починиться или найти человека, который меня починит. Но узнала я это после многих саморазрушающих попыток через кровоточащие раны докопаться до своей сути.

Я была воспитана не матерью. Моими воспитателями стали мертвецы, признанные гениями, вымышленные персонажи, созданные этими гениями, и несколько стариков, с которыми мне выпала честь жить в одно время. И я надеялась, что когда-нибудь тоже буду причислена к группе гениальных мертвецов.

Каждое подобное утро я представляла, как прожить жизнь трагичнее и красиво исчезнуть из этого мира. Просто от скуки. С чуть приоткрытым ртом (отдаленным уголком сознания я ощущала, как морозный воздух обжигает горло) и невидящими глазами я стояла, прислонившись к стволу старой липы. И, затянувшись, погружалась в мир прекрасных страданий, какими они могут быть только в лучших произведениях искусства.

В минус двадцать градусов университетский городок совсем опустел. Ни беседующих преподавателей у входов в корпуса, ни стоек студентов. Даже «курилка» (угол за оградой) пуста.

Заледеневшие пальцы не сразу справляются с зажигалкой. Но лучше мерзнуть здесь и курить ненавистные сигареты, чем сидеть в аудитории, слушая «высокодуховные» разговоры моих одноклассниц. Не идти же в пропахшую горелым маслом столовую? А сигареты — отличный предлог.

— Ну, поскольку мы уже бросили, то можем позволить себе по одной, не так ли?

— Кофе и сигареты — это комбинация.

Сашка стоял с двумя стаканчиками американо по ту сторону ограды.

— Давай оставим цитатный пинг-понг на потом и пойдем греться, у нас на кафедре сейчас никого.

— Что у вас случилось?

— У кого «нас»? Есть я и есть они, если ты про группу.

— Ну так что? — Саша высунулся в открытое окно за своим столом и, быстро затягиваясь, закурил.

— Ничего. Ты же знаешь, я терпеть не могу слушать их разговоры.

— Особенно перед четырнадцатым февраля.

Я попыталась сделать безразличный вид и отхлебнула кофе.

— Расскажи им какую-нибудь суперромантическую историю. Так правдоподобно, как ты, никто не сочиняет.

— Надоело. Они все равно не верят.

— Зато как это их интригует! Значит, тебе есть что скрывать.

— Ага. Как я провожу все свободное время с самым желанным преподавателем универа.

— Да ладно. Для твоих одноклассников я просто задрот, не вылезавший из библиотек и выставок. Только ты можешь оценить мою крутость. — Он выкинул окурок в окно и развалился в кресле.

— Вообще-то так и есть.

Вошел какой-то преподаватель (я почти никого не знаю с их кафедры) и, почуяв запах табака, попросил закурить.

Пока он дымил у дальнего окна, я с завистью разглядывала кабинет. Картины, гипсовые статуэтки, горы книг — такой живописный творческий беспорядок.

— Классно у вас...

— Тебе осталось полтора года отучиться, и можно к нам в магистратуру.

— Тогда все точно решат, что мы спим.

— Ну, они не будут совсем не правы. — Преподаватель у окна нахмурился и сделал вид, что пишет что-то на застывшем подоконнике, где только что погасил окурок.

Да, я несколько раз в месяц ночую у Сашки. Мы смотрим Годара или Бунюэля, разговариваем про красный цвет в кино, он учит меня видеть и описывать мельчайшие переходы оттенков в картинах («Для писателя это не менее важно, чем для художника», — постоянно повторяет он), слушаем наш любимый дуэт — Армстронга с Фицджеральд, иногда даже танцуем под «Stars Fell on Alabama». Но между нами нет никакого притяжения. Совсем.

И это несмотря на то, что наше знакомство началось с поцелуя. Долгого и ужасно показушного.

Это случилось почти два года назад, как раз на четырнадцатое февраля. Мы оба принимали участие в перффор-

мансе в Музее современного искусства: заходите в комнату к незнакомцу, болтаете пару минут и целуетесь.

Сначала я обрадовалась, что мне достался Сашка — он выглядел приятнее многих участников. Потом он заговорил. До сих пор отчетливо помню его первую фразу с нотками сарказма: «Je t'aime... Moi non plus».

Он сказал это, намекая на мое подражание стилю Джейн Биркин — от белой рубашки с глубоким декольте и небрежно закатанными рукавами до челки и плетеной сумочки, такой неуместной во время уральской зимы.

Я поняла намек, но не смогла придумать остроумный ответ. Поэтому просто подошла, слишком крепко (как он потом сказал) взяла его за скулу рукой и слишком страстно поцеловала.

Он тоже перестарался. Весь вечер мы старались избегать друг друга, но все время пересекались. Пару раз он увел у меня интересных собеседников, и я вообразила, что он ревнует. И в конце вечера, выпив для храбрости пару бокалов бесплатного (равно отвратного) шампанского, подошла к нему и сказала: «От такого, как ты, я бы с удовольствием прыгнула в реку» (надеясь, что он поймет отсылку).

Он спросил, долго ли я готовила ответ, я честно ответила, что да, весь вечер. Мы рассмеялись. Сошлись на том, что здесь ужасное шампанское, и поехали к нему пересматривать «Слоган».

Тем же вечером мы снова попытались продолжить наше знакомство романтически, но вышло неуклюжее катание по дивану с «Ай, осторожно, волосы!» и «Не оторви пуговицы у рубашки, это Armani». — «Ха-ха! Откуда у тебя Armani?» — «Из секунда».

Мы расхохотались. А когда разделись до нижнего белья, Саша предложил выпить еще шампанского. Под финальные титры мы оба задремали.

— Приедешь четырнадцатого к Дементию? Будут только одиночки.

— Я не ищу никого.
— То есть тебя все устраивает?
— Пока да.
— И он проведет четырнадцатое февраля с тобой?
— Что ты привязался к этой дате! День как день. Мне пора!

Преподаватель по литературе, как всегда, опаздывал. Зря спешила.

— Роза, ты такая запыхавшаяся. На свидание с этим аспирантом с искусствovedения бегала? — постукивая длинными наманикюренными ногтями по блестящему чехлу айфона, спросила Надя.

Она из тех людей, которые считают, что неудобных вопросов не бывает. Только Надя может так непринужденно спрашивать симпатичных преподавателей, женаты ли они.

Я хотела ограничиться только надменным поднятием бровей, но не удержалась и в который раз повторила:

— Мы просто друзья.

А вот добавлять про то, что с парнями приятно не только трахаться, не стала. Все равно не поймут.

— Ах да, ты же встречаешься с каким-то юристом.

— Уже нет.

— Серьезно? Почему вы расстались?

Так... По какой причине я еще не расставалась со своими выдуманнными парнями? Хотя они ведь могут повторяться. Ммм... а ведь и парни могут повторяться — меньше выдумывать в будущем. Хотя мне это нравилось. Я понимала, что мне не верят. Но мне нравилось, как это их интриговало.

Как только я прочитала фразу Оскара Уайльда: «Неприятно, когда о тебе говорят плохо, хуже — когда о тебе совсем не говорят», то сразу взяла ее на вооружение.

— Мы слишком разные...

А потом язвительно-неверящее «понятно» и вопрос, с кем я сейчас. К счастью, от ответа меня спас преподава-

тель по литературе, строгий сухой старичок Степан Трофимович.

— Ставрогина, в прошлый раз закончили на вас.

В аудитории слышались смешки. На одной из первых лекций Степан Трофимович рассказывал нам трогательнейшую историю из своего детства.

Я не слухала — мне в голову пришла какая-то красивая мысль, которую срочно нужно было записать. Пока остальные девочки вытирали наворачнувшиеся слезы, я быстро записывала строки, на ходу обрастающие все новыми образами. Когда я закончила, то уже не могла вникнуть в суть истории. А под конец рассказа еще и зевнула.

Степан Трофимович сказал, что я — пример современной бесчувственной молодежи, и вызвал отвечать. Студентов он отмечал не в журнале (там ведь нельзя делать собственные пометки, заполнение журнала он оставил на старосту), а в своем толстом потрепанном ежедневнике. Под потрескавшейся кожей обложки были записаны характеристики, оценки (кто знает, что еще) студентов, наверное, с советских времен.

Он спросил мою фамилию (на тот момент я еще не попала в эту летопись), а я, разозленная причислением к бесчувственной молодежи, сказала: «Ставрогина». Он оценил отсылку и теперь всегда называл меня так. А мои одноклассницы думали, что у него старческий маразм и он забывает мою фамилию, несмотря на их постоянные попытки напомнить.

Байронические герои, как Ставрогин или Печорин, мне нравились не из-за демонической привлекательности, а из-за того, что в них я видела себя. Мне всегда нравилось чувствовать надлом в себе. Свою неправильность. Ею можно многое оправдать в характере. От проскальзывающего высокомерия до равнодушия к чужим бедам. Этим же можно объяснить отношение ко мне других людей. Я не нравлюсь большинству, потому что я неправильная. Никому не хочется любить меня, потому что это

сложно. Не хочется дружить со мной, потому что это неинтересно. И так почти в каждом новом окружении.

Сначала мне хочется доказать себе, что я могу заставить их полюбить меня. Но на меня никто не обращает внимания, и я начинаю доказывать им (и себе), что я не такая, как они. Не прямо, у меня нет столько смелости, наглости или социопатичности. Легкими намеками. (Помню, в начале первого курса я порезалась о лист бумаги и на предложения пластыря и комментарии типа «рубашку закапала кровью», ответила: «Это не кровь, просто красное». Как я и ожидала, никто не оценил. «Это Годар, — снисходительно добавила я. — Как, вы не знаете, кто это? Не смотрели даже “На последнем дыхании”?») Игнорированием всех совместных встреч («у меня свидание») и непрямыми отказами списать.

В итоге ни у кого не было явных причин меня ненавидеть, но они прекрасно понимали, как я отношусь к окружающим. И на мое высокомерие отвечали своим безразличием: Роза опять лучше всех сделала реферат/контрольную. «Ну, это же Роза! Это ожидаемо».

В школе я еще пыталась быть как все. Как-то в пятом классе написала диктант по русскому на два, со специальными глупыми ошибками. Но учительница, а с ее подачи и все мои одноклассники посчитали, что я издеваюсь над ней. Быть лучше всех — это всегда было легко, а вот такой, как все, — для меня невыполнимая миссия. И сейчас я даже рада, что она всегда проваливалась.

Глава 2
Джон Расселл.
«Маленькая девочка,
показывающая вишни»

Утром 14 февраля меня разбудил мягкий поцелуй в шею, потом нежный укус за мочку уха. Непривычный запах утреннего мужчины, готового к работе. Обычно он предупреждал о своем визите и никогда не пользовался личным ключом.

— Сколько времени? — неромантическое приветствие от меня.

— Время утренних поцелуев, — и попытка романтического приветствия от него.

После всех утренних романтичностей мы устроились на балконе: вынесли столик, поверхность которого быстро покрылась пушистыми снежинками, бокалы с шампанским и купленные им круассаны, укутались в одеяльные облака и молча наблюдали за просыпающимся городом: снежинки в интригующе-оранжевом свете фонарей, превращение темно-синего бархата ночи в василькового цвета утро, редкие прохожие уже с утренними букетами из круглосуточного магазина «Розы за 49 рублей», приятно-колючий мороз и запах весны. Не цветочно-дурманящий, а такой, какой бывает только в феврале. Свежий, солнечный и только обещающий тепло, но сам еще холодный-холодный. Шампанское щекотало, в голове были только легкие мысли. Я рисовала на заснеженном столике сердечки, он гладил меня по волосам. Нам было так красиво. Все как я люблю.

— Понравилось? — Он поцеловал мое запястье с ароматом новых духов, о которых я так мечтала (как думал

он), — «Lost Cherry» от Тома Форда. Он считал, что я без ума от аромата или недоступности Тома Форда для моего бюджета, а меня всего лишь очаровывала игра слов в названии.

— Очень. — Шампанское помогло мне восторженно улыбнуться. — Спасибо.

От его материальных подарков мне всегда было не по себе. Этого завтрака было бы достаточно. От большего я начинала чувствовать себя содержанкой, иногда в моей голове мелькали слова и похуже.

«Но ведь я сама ничего не просила», — утешала я себя. Мне нравится быть с ним и безо всяких подарков. У него такой живой ум, грамотная и уверенная речь. Он всегда говорит очень спокойно; не снисходительно, а по-доброму смеется над моими проблемами. Он именно тот, про кого говорят «с ним как за каменной стеной». Но за его стеной не я, а его семья. И нет, я не ревную. Я не люблю его, так, слегка влюблена. И то, когда мы вместе. Когда его нет, я почти не скучаю. Нам просто удобно друг с другом. Я знаю, что, если он меня бросит, мне не будет больно. Я уверена, что в любой момент сама могу расстаться с ним. Как и со всеми до него.

Вообще, у меня никогда не было никаких требований к мужчинам. Я не могла описать качества, которые мне нравятся в целом в мужчинах. Какой он, мой мужчина? Единственное, чего я хотела, — чтобы меня любили, чтобы я была нужной кому-то. Быть желанной, а кто меня желает — не так уж важно. Я таяла, когда мне говорили о том, как я им нравлюсь. И мужчины мне нравились только за то, что им нравилась я.

В свои 20 лет я ни разу не влюблялась до сумасшествия, до желания быть всем для кого-то. Может быть, никто не влюблялся? Прочитали в книжках, что есть такое, и придумали себе.

Я точно не влюблюсь. Потому что, как бы ни было хорошо сейчас, потом будет больно вдвойне.